

Ди, сидящий за столом, поднял взгляд на Сана, вошедшего в кабинет.

Растрёпанные волосы, та же одежда, что и во время сна, невымытое лицо. Ди отвёл взгляд от Сана, от которого так и веяло сонной небрежностью, и перелистнул документ, заметив.

— Похоже, роль паразита тебе вполне подходит.

Хотя режим сна у Сана был нерегулярным, он всё же выползал в столовую на первом этаже в поисках еды. Проходя мимо роскошного стола, он тихо пробирался на кухню, где занятые работники освобождали омеге уголок и давали простую еду, чтобы утолить голод. В основном это было пюре или остатки супа. По правде говоря, сравнение с паразитом было не так уж далеко от истины, и Сан согласно кивнул.

— Да, благодаря вам я открыл в себе неизвестные ранее склонности. Увидев, как десятилетний ребёнок суетится, чтобы отработать свою еду, я внезапно задумался о себе.

Пепельница, метнувшаяся в него, рассекла ему лоб и впиалась в стену. Сан, не успев уклониться, пошатнулся, едва удержав равновесие. Состояние омеги ухудшалось с тех пор, как он шесть месяцев назад вышел из стеклянной капсулы. Главной причиной было отсутствие альфа-феромонов, которые он постоянно получал там.

Хотя феромоны в капсуле были не настоящими, а химическим препаратом, ещё год или два назад это не было большой проблемой. До того как стать предателем, Сан был настолько крепок, что даже раны, балансирующие на грани жизни и смерти, заживали за пару дней.

На самом деле, пока весь Белый отряд был жив, в капсуле не было необходимости. Вместо поддельных феромонов альфы из отряда с избытком обеспечивали его настоящими. Конечно, Сан предпочитал капсулу настоящим феромонам. Просто омега соглашался с более эффективным методом.

Один сексуальный акт с альфой восстанавливал его быстрее, чем день или два в капсуле, и экономил деньги на дорогих препаратах.

Если бы Белый отряд не был практически уничтожен охотниками, если бы Ди не захватил оставшихся восемнадцать, Сан провёл бы эти шесть месяцев не в капсуле, а валяясь с альфами днём и ночью, пока полностью не восстановился.

Тогда он мог бы сократить период восстановления, улучшить состояние, помочь учителю и 1-му дистрикту... Но в итоге он лёг в капсулу. Хотя феромоны и не были настоящими, он был шокирован, что после шести месяцев получения их его тело восстановилось менее чем на 10% от прежнего состояния. С невозмутимым лицом он прижал руку к рассечённому лбу.

— Язвительность тоже осталась. Похоже, жить можно, — прокомментировал Ди.

— Всё благодаря феромонам, что вы мне дали, хозяин, — ответил Сан спокойным, размеренным тоном, всё ещё с насмешкой.

Ди отложил ручку и откинулся на спинку кресла. Естественным образом его взгляд упал на Сана. Серые глаза Ди, казалось, совсем не принадлежали живому человеку, отчего у Сана похолодело внутри, но он не подал виду.

«Он снова набросится на меня в гневе, используя что попало или оружие, но после нескольких первых раз я уже привык. Пить чужую мочу — для меня тоже не впервые, и по сравнению с тем, что я пережил в подземной тюрьме, это даже не капля в море».

Однако, когда Ди внезапно улыбнулся, Сан почувствовал, как кровь в его жилах застыла.

— Десятилетний ребёнок. Тебе понравилась Сольё?

В том, как Ди выспрашивал, будто нащупывая слабое место, Сан почувствовал отвращение. Это было сродни автоматически сработавшему отвращению. За свою жизнь он видел бесчисленное количество подонков, готовых на что угодно ради успеха и удовольствия, независимо от возраста, пола или вида. Мужчина перед омегой явно был из их числа.

«Сложные чувства? Страдания мужчины, который желает мне смерти? Смешно, что я на мгновение дрогнул из-за эмоций, которые такие, как он, разбрасывают направо и налево. Если я совершил нечто непростительное по отношению к нему, на то должна быть веская причина».

Сан никогда не убивал без причины. Это было учение, которое его учитель подчёркивал всю жизнь. Он был уверен, что, даже потеряв память, не нарушил бы его. Учение наставника было подобно заклинанию, высеченному в его сознании. Даже потеряй он память десятки раз, привычки и ценности, вбитые в его мозг, остались бы неизменными.

Более того, в широко распространённом прозвище «охотник на охотников» была некая противоречивость. Не существовало «охотников, охотящихся на охотников». На охотников охотились только мародёры. Если раньше мародёры становились добычей охотников, то теперь охотники стали добычей мародёров. Жертва и хищника поменялись ролями.

Отсутствие генерала Сана и ослабление Белого отряда действительно стали отправной точкой для потери влияния охотников и перекоса сил в 1-м дистрикте, но если бы Ди не был так силён, они не оказались бы в таком безвыходном положении. Ди был переменной, которую не предвидел даже учитель. Мысль, что именно он создал эту переменную, сводила Сана с ума, и мужчина даже не злился на свой повреждённый мозг.

«В каком-то прошлом, которого не помню, я, должно быть, отнял у этого мужчины кого-то дорогого ему. Как у демона тоже может быть что-то драгоценное, так и у мародёров может быть чувство товарищества. Хотя они относятся к слабым и беспомощным лишь как к источнику дохода, у них вдруг находится место для товарищества», — Сан почувствовал

тошноту.

— Если девочка вам понравится, вы тоже подарите её мне? — с вызовом спросил Сан.

— Пошлый вкус и отсутствие стыда — как раз то, что ожидаешь от главы Белого отряда, — ответил Ди.

Спокойно глядя на Сана, Ди не выражал никаких эмоций. Он казался человеком, полностью лишённым чувств и жизненной силы. Лишь когда он проявлял к Сану ненависть и гнев, он выглядел живым.

— Сольё — моя сотрудница, а ты — хуже раба. Разве не логичнее подарить тебя Сольё? Даже если подарю — что ты сможешь сделать со своим дырявым членом и растянутыми дырами?

— Мы сейчас говорим о десятилетнем ребёнке! — возмутился Сан.

Бум!

Мощная сила отбросила Сана к стене. Схваченный невидимой энергией, сдавливающей всё тело, он хрипло выдохнул, горло перехватило.

— Мы? — переспросил Ди.

Голос был низким и зловещим.

— Нет, я сейчас говорю о тебе, о том, кто хуже раба. Вид тебя, выставяющего напоказ свою жалкую правоту перед этим ребёнком без тени раскаяния, вызывает тошноту. Раб? Лучше обращаться с тобой как с унитазом, генерал Сан.

— Кх-х... Вы... уже обращаетесь... со мной... как с унитазом... разве нет? Кх-х!

Голова Сана прижалась к стене, лицо побагровело. Ди, не удостоив его взглядом, лишь усмехнулся и опустил глаза. Документы на столе подробно описывали злодеяния генерала Сана. Записи, от которых кровь стыла в жилах.

Герой? Если это герой, то лучше надеть корону на уличного бродягу и славить его.

Ди, смотрящий на отчёт воспалёнными глазами, поднял взгляд.

Ш-ш-ш.

Сан не сдержался и обмочился. Промежность промокла, затем из бессильно разжавшегося ануса хлынула прозрачная жидкость, заливая нижнюю часть тела. Увидев это, Ди вдруг громко рассмеялся.

— Ха-ха-ха, герой? Ты? Герой? Сто лет назад телешоу были и то интереснее.

Мгновенно прекратив смеяться, Ди нажал кнопку вызова. Тем временем хватка ослабла, и Сан, едва дыша, с каждым мучительным вздохом выпускал мочу и кишечные соки. Пол покрылся лужами, с кончиков пальцев капали выделения. Казалось, стоял невыносимый смрад, но Сан, бездумно вдыхая недостающий кислород, едва слышал насмешки Ди.

Омега очнулся лишь тогда, когда дверь кабинета открылась.

«...»

— Хозяин... а, нет, глава! Вы звали меня? — Сольё, открыв дверь в пять раз больше её, вошла и поклонилась сидящему за столом Ди. Получив кивок, она посмотрела на указанную им стену у двери.

— Убери это.

Спокойно развернувшись, Сольё широко раскрыла глаза.

— А-ангел? А, нет, почему гость...

Заметив мокрые штаны и лужу выделений у его ног, она отвернулась. Её реакция ясно говорила: «Видеть такое невыносимо». Прижатый к стене Сан мог лишь кусать губы. Стыд, который, казалось, уже достиг дна, снова поднимался из самых глубин.

— Сольё. Это не ангел и не гость. Это существо хуже раба, не знающее стыда и выставяющее напоказ свою низменность. Как ты думаешь, какое наказание будет уместным?

Сольё, не смея взглянуть на прижатого к стене Сана с побагровевшим лицом, уставилась на Ди и заговорила, запинаясь:

— Н-но... недержание нельзя исправить наказанием.

Ди, что-то записывавший в документах, остановил ручку и пристально посмотрел на Сольё. Затем на его безобразном лице появилась улыбка.

— Ха-ха, Сольё. Ты лучше меня. Тогда как, по-твоему, следует поступить?

— Э-э...

Смущённая, она погрузилась в раздумья, а затем, словно найдя решение, ответила с сияющим лицом:

— Ангел... нет, гость... нет, это... такое большое существо до сих пор не может сдерживать мочу — возможно, ему больно. Может, привести доктора и вылечить его?

— Да, это тоже неплохая идея, Сольё. Но я считаю, что тратить деньги на бесполезное существо — расточительство. Стоит ли его лечить?

— Э... оно настолько бесполезно? — спросила девочка, а про себя подумала: «Но оно такое красивое...»

Не отводя удивлённого взгляда от Сана, Сольё не выдержала, и мужчина крепко зажмурился. Его лицо и шея пылали. Казалось, его переполняло не столько стыд, сколько унижение. И дело было не только в наивном взгляде ребёнка. Его бесила низость Ди, опозорившего его перед ребёнком, который смотрел на альфу с восхищением, и подлость использования ребёнка таким образом.

— Надоел. Может, просто выбросим?

— Что? А, нет! Хозя-аин... а, нет, глава! Нельзя выбрасывать больного человека, который даже не может удерживать мочу! К тому же за стенами замка так холодно — он может замёрзнуть насмерть!

— Он и смерти не стоит, Сольё. Ты слишком снисходительна.

— А, пр-правда? М-может, он совершил что-то ужасное перед вами, глава?

Не в силах больше слушать, Сан заговорил:

— Уберите отсюда ребёнка.

Шлёп!

Левая щека Сана, резко повернувшегося вправо, мгновенно распухла, и по ней ручьём потекла кровь. Кожа треснула, губы разорвались. Казалось, от щеки и губ скоро ничего не останется, но ни Сану, ни Ди это уже не было это интересно.

— Изначально я хотел поручить уборку тебе, Сольё, но передумал.

Взгляд Ди, холодный, но почему-то казавшийся заботливым, был сначала устремлён на Сольё, а затем переведён на Сана.

— Ты сам должен убрать за собой свою мочу.

Неожиданно отпустив невидимую хватку, Ди холодно наблюдал, как Сан с грохотом падает на пол. Сан, упавший в собственные выделения, был похож на личинку. Теперь промокла не только нижняя часть тела, но и вся одежда. Молча наблюдая за этим жалким зрелищем, Ди наконец заговорил:

— Сольё, принеси уборочный инвентарь и сменную одежду.

— Да, да! Хозя-аин... а, нет, глава! — Сольё, всё ещё заморожённо смотрящая на Сана, который странным образом притягивал взгляд даже в такой ситуации, вздрогнула и подпрыгнула.

— Из-за тебя на пятом этаже скоро не останется постельного белья.

Шея Сана, кое-как поднявшегося, покраснела.

— Если поймаю, как ты будешь тайком пробираться в прачечную, как крысёнок, — отрежу тебе яйца.

Побелевший Сан с мокрым лицом поднял взгляд на Ди.

— Я не собираюсь убивать тебя легко, но и не собираюсь оставлять тебя в живых просто так.

Как раз в этот момент дверь кабинета открылась и зашла Сольё, держа в руках уборочный инвентарь и новую одежду.

— Прибери за собой.

Приказ был отдан строгим голосом. Сольё, колебавшаяся до этого, подпрыгнула и поставила перед Саном уборочный инвентарь и новую одежду.

— Сольё. Это недотёпа, который даже во взрослом возрасте не может нормально сдерживать мочу. Впредь ты будешь следить, чтобы он сам справлялся с такими ситуациями.

— Ах! Да! Да, я сделаю так, хозя-аин... а, нет, глава! Значит, вы не выбросите его прямо сейчас?

— Верно. Твоё сердце тронуло меня, поэтому сейчас я не стану его выбрасывать.

— Ура! Вы действительно единственный и неповторимый, глава! Я буду внимательно следить за ним! — обрадованная, Сольё снова подпрыгнула, затем быстро опомнилась и торопливо обратилась к Сану: — А-ангел... а, нет, господин Предмет. Быстро уберите всё. Хозяин... а, нет, глава сказал, что если вы сами всё уберёте, он точно не выбросит вас. Так что скорее приберитесь, и если такое повторится, обязательно скажите мне!

Как бы она ни шептала, вряд ли это обмануло бы уши того ужасного мужчины. Шёпот Сольё и её торопливость вывели Сана из оцепенения в этой абсурдной ситуации. Стиснув зубы, он опустил на колени и взял уборочный инвентарь.

— Ай, сначала переоденьтесь. В мокрой одежде убирать бесполезно.

На упрёки Сольё Сан замер, но вместо переодевания просто выжал мокрую одежду. Поймав её взгляд, полный недоумения, омега улыбнулся и ответил:

— Новую одежду надену после того, как помоюсь.

— А... — Сольё непроизвольно открыла рот, отвлекшись на всё ещё прекрасное лицо Сана, несмотря на распухшую щёку, и лишь потом опомнилась. — Хозяин... а, нет, глава очень чувствителен к запахам, так что нужно вытереть всё тщательно.

Без единой жалобы под продолжающимися указаниями Сольё Сан убрал свои же выделения, вытер даже капли крови тряпкой.

Разорванный лоб, распухшая щека и губы — на заживление уйдёт вдвое больше времени, чем обычно. Рана на бедре от кинжала, брошенного Ди, ещё не зажила, и при малейшей нагрузке кровь просачивалась сквозь бинты.

Тело, хуже тряпки.

«Я не собираюсь убивать тебя легко, но и не собираюсь оставлять в живых просто так».

Это было предупреждение: он не убьёт сразу, но при первом же недовольстве не будет колебаться.

Смерть Сана означала бы смерть Белого отряда, учителя и гибель всего 1-го дистрикта.

У Сана не было времени погружаться в отчаяние и бездействие. Если этот мужчина поступал таким образом, то и Сан должен был использовать любые средства для своего восстановления.